

Когда я входила в комнату, где стоит рояль Ирины Константиновны, меня встретил загадочный, пылкий и в то же время ласковый взгляд Кармен, одетой в белое. «Лучшая русская Кармен XX века» — это признание неизменно сопровождает актрису уже долгие годы. С этого и начался наш разговор — Кармен посвящены интереснейшие страницы книги И. К. Архиповой «Музы мой», только что вышедшей в издательстве «Молодая гвардия».

— Да... Эта партия стала определяющей в моей артистической карьере. Многие отговаривали: ты хорошая Любаша, Марфа, Весна, но Кармен — это не для тебя. Ведь я спокойная, сдержанная, серьезная. Нужно заметить, что с самого начала на эту партию очень легко ложился голос и она хорошо была сделана чисто технически. Я пела Кармен очень легко. С нее начинался и мой дебют в Большом театре. Пела я ее ровно 20 лет. Пела по-итальянски, по-французски, снова по-русски... Итальянцы писали: «Она наделена средиземноморским вулканизмом». Моя мама смеялась: «Кого я родила?»

— Я читала восторженные отклики на ваши только что закончившиеся нью-йоркские гастроли...

— Меня пригласил принять участие в этих гастролях Гергиев, главный дирижер Кировского оперного театра. Графиня — это последняя партия, которую я единственный раз спела на сцене Большого. А Гергиев пригласил меня в «Пиковую даму», которую возил в Нью-Йорк и имел там огромный успех. Кировский театр признан сейчас носителем традиций русской оперы и вообще труппой экстра-класса на уровне мировых опер — «Ла Скала», «Ковент Гарден», «Метрополитен».

— Чем вы объясняете это?

— Организацией творческого процесса. Гергиев очень хороший дирижер. Он сделал в Кировском театре то, что в свое время осуществил Станиславский, — собрал цвет талантов. Этого не могла не заметить западная публика. Вот письмо, которое принесла в гостиницу после спектакля одна американка. Здесь очень точно выражено и отношение к России вообще:

«...Ожидала встретить бедных растерянных артистов из только что распавшейся империи, талантливых, конечно, как и положено русским певцам, актерам и балеринам. От всего сердца хотелось порадовать их. Один из наших священников сказал мне раз: «Ирина Анатольевна, России, о которой вы грустите, за которой тянетесь, уже нет. И этих русских людей, о которых вы мечтаете, тоже нет. Переказывали, поубивали, замучили их, и теперь пошел народ другой, а наша Россия — там, на небе»... И я пошла посмотреть то, что создали последними изможденными силами народа моего туд, на земле. И самих этих изнуренных, родных создателей. Смотрю — да они же последними силами воздвигли такое, что редко удается создать свежими холёными силами благосостоятельных народов! (Ирина Константиновна взволнованно смеется).

И вот встречаюсь с вами и чувствую, что Россия живет... И люди — доброжелательные, пленяющие и к

себе располагающие. Тепло, исходящее от них, неповторимое. Оно веками готовилось в церквях православных глубокой непоколебимой верой во все самое лучшее, согревая и восхищая близких своих, чтобы любовью все делалось и верностью тому, что было передано нам нашими отцами.

Я от всей души рада, что Бог привел встретиться с Вами, дорогая г-жа Ириночка А. (к сожалению, не знаю Ваше отчество). Вы одна из этих вымоленных. И Вас нельзя не любить. Вы сразу встаете милой, родной и дорогой — совершенно драгоценное русское качество. Наверное, там у Вас много хороших. Да, судя по Вас, Россия живет и будет жить, пока она нужна будет на све-

Не погасить солнце духа

те. Богом посланная и солнце духа ее еще далеко не на закате».

Когда я читала это письмо, врученное худенькой маленькой женщиной, я вспомнила слова, что сказал мне Гергиев, когда приглашал выступить вместе с Кировским театром: «Вы должны отстоять славу Отечества!»

— Даже в такой страшный период разрухи русской культуры?

— Так наша деятельность, и моя в частности, и направлена на то, чтобы не дать погибнуть русской культуре. Все заботы, что принял на себя Союз музыкальных деятелей, все фестивали и конкурсы, которые мы проводим, направлены на то, чтобы поддержать в людях гордость за свою культуру, дать окрепнуть духовным силам. Я только что вернулась с фестиваля «Музыкальное лето Селигера». Он проходит уже в пятый раз. Любимый фестиваль, я с таким удовольствием отправляюсь всегда в Осташков. «На маленькой сцене видней, как светлеют души и лица», — сказал поэт. Культура наших людей необычайно высока. Аудитория слышит, понимает тончайшие нюансы исполнения. И когда это происходит, я чувствую, что вот это и есть то, ради чего живу, — чувство полного единения со своей землей, с народом, который дал мне жизнь. У нас сейчас так сложно и трудно, но посмотрите — люди буквально утопили нас в любви и искренности, они настолько щедры, изобретательны в выражении своих чувств. Я не могу сказать, что за границей нас принимают плохо. Нет. Но там нет той духовной слитности, которую я вижу здесь, на родной земле. Нет такого полного проникновения в глубину тех чувств, которые охватывают меня, когда пою.

— Вы родились в Москве?

— Родилась, да. Но корни мои в глубине России. В детстве очень часто жила в деревне и чувствую, что вся я оттуда. Сейчас, когда идет тотальное разрушение всей русской культуры, театра, и не только оперного, я не могу спокойно наблюдать это. Я говорю себе: нужно собраться, когда трудно, я начинаю активно действовать.

Соб. Россия - 1992 - 22 авг.

НА СНИМКЕ: Ирина Архипова с участниками фестиваля «Музыкальное лето Селигера».

Как можно еще выжить? Только противостоя разрушению. Не сдаваться же!

— Но ведь некоторые покинули страну, а иные даже процветают на Западе...

— Да. Например, Атлантов. Большой театр был не прав по отношению к нему и к Пьявко. В результате — замены им нет. До сих пор нет. Пренебрегать такими большими певцами нельзя. Это гибельно для театра. Атлантов уехал и, кажется, счастлив... Но я не могу этого понять. Я даже с гастролей с тоской рвусь домой. Вот в Осташков я бы, наверное, уехала. Это такая щемлящая красота, такое ни с чем не сравнимое богатство родной земли. Чужие красоты так души не тревожат...

Я заметила закономерность — когда что-то делаешь хорошо, то рядом тоже у всех получается хорошо. Тот же фестиваль в Осташкове. Он прошел на ура! И не случайно. Состав участников — лауреаты конкурсов Глинки и Чайковского — Володя Мишук, Ирэна Миляквичуте, Виктория Лукьянец, Сергей

Мурзаев, Марина Лапина, Аскар Абдразаков, Наталья Корсакова, ансамбль духовной музыки «Сирия», Наталья Ерасова — великолепные молодые силы. За последние годы развала страны годы по уровню мировой музыкальной культуры мы поднялись столь высоко, что на всех мировых конкурсах наши певцы и музыканты занимали первые места. Почему? Да потому, что очень высокий сложился уровень музыкальной культуры в стране. На конкурсе в Женеве одна японка мне сказала: «А все-таки социализм для культуры хорош». Государство постоянно заботилось о культуре, мы отбирали лучших и посылали их на конкурсы, государство оплачивало все расходы. Теперь этого нет.

И вот уже нет притока новых творческих сил. А то, что мы имеем, может быстро иссякнуть. Уезжают из страны ведущие педагоги. Куда ни глянь — всюду наши.

— Но все-таки музыкальная жизнь в стране не замирает?

— Нет. Но государство этому не способствует. Вот я приехала с фестиваля в Осташкове, и что я должна делать? Я должна вести переговоры в правительстве по поводу налогообложения. Культуру душат налогами. Это же преступно. На протяжении всей истории человечества государство поощряло культуру. А с нас сейчас берут налоги как с коммерческих предприятий. Если раньше я платила Госконцерту от своих зарубежных концертов 80%, то теперь у нас — Союза музыкальных деятелей — вообще арестовали валютный счет. Сейчас у меня как председателя союза заботы в основном экономические, финансовые. А я бы должна заботиться о том, какие яркие артистические имена будут пропагандировать музыку моей Родины.

— В этой связи. В книге вы большое внимание уделяете рассказу о том, что стараетесь петь за рубежом русскую музыку?

— Когда я впервые выехала за рубеж, половину концерта составляла из произведений западной музыки. В «Корнеги-холле» в Нью-Йорке я исполняла Баха, Брамса, Листа... В американской прессе тогда писали: «Архипова — редкая среди русских, блестящая исполнительница немецкой музыки...». Но моя задача в жизни все же другая. Немцев прекрасно представляют немцы. А я должна пропагандировать свою русскую музыку. У нас такая прекрасная романсовая литература, богатство невероятное! И мы им не пользуемся. Чайковский, Рахманинов еще звучат. Глинку в последнее время поют. А Даргомыжский, Танеев, Гречанинов, Аренский, тот же Римский-Корсаков, создавший такую удивительную музыку? Кто их поет? Для того, чтобы пропагандировать музыку, нужно иметь имя. И право на пропаганду — не иллюстрировать известное, а исполнять так, чтобы зазвучало имя композитора, русского композитора...

Перед каждым фестивалем и конкурсом мы ищем спонсоров, — продолжает она свой рассказ. — Перед конкурсом Глинки мы нашли спонсора — Академию общечеловеческих ценностей. Эта академия и помогла нам провести конкурс Лемешева, организатором которого была Н. М. Малышева. Предстоит конкурс Рахманинова, он тоже будет очень дорогим.

— А правительство?
— Что правительство?
— Будет помогать?
— Правительство ничего не дает. Даже наших денег.

— Скажите, а как вы относитесь к фестивалю «Красная площадь»? Вы получали приглашение?

— Я отказалась принять в нем участие. Звонил Соткилава и очень пылко уговаривал... Для меня Красная площадь — место святое. Она связана с моим отношением к жизни, она неотделима от нашей Победы... Это Красная площадь, это Кремль, это сердце России. Не только у меня, но и у публики такое отношение. И фестиваль ведь провалился. И устраивали-то не русские люди этот фестиваль...

— Ирина Константиновна, вы верите в нашу русскую молодежь?

— По-моему, все, что я вам рассказала, — свидетельство этому. Люблю и верю. Она бесконечно талантлива.

Беседу вела
Г. ОРЕХАНОВА.